

Научная статья
УДК 82-3
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88
EDN: YBOYVD

Сравнительное изучение ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы

Сунь Вэньцзюнь

Аспирант филологического факультета университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Китайская Народная республика, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь
sunventszyun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1903-2224>

Аннотация. В статье теоретически обосновывается сравнительное изучение книги Н. В. Гоголя «Вечера и на хуторе близ Диканьки» и сборника новелл Пу Сунлина «Описания чудесного из кабинета Ляо», а также демонстрируется пример такого анализа. Для решения этих задач предпринимается историко-теоретический обзор понятия «типологическая связь» в сравнительном литературоведении. Рассматриваются основные работы русских и зарубежных исследователей, различные теоретические концепции сравнительного литературоведения, что позволило сделать вывод о том, что в настоящее время анализ типологических связей не ограничен социальным контекстом и предполагает фундаментальное изучение поэтики отдельных авторов.

В статье демонстрируется, что равнение поэтики Н. В. Гоголя и Пу Сунлина позволяет лучше понять уникальность и своеобразие творчества каждого из них. С этой точки зрения типологическое изучение их фантастической прозы – «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Описания чудесного из кабинета Ляо» Пу Сунлина – представляется очень актуальным. В статье делается вывод, что опыт сравнительного литературоведения в изучении не связанных генетически текстов показывает возможность сопоставления произведений Гоголя и Пу Сунлина в аспекте отражения в их творчестве фантастического и народной демонологии. Перспективность изучения этой проблемы проиллюстрирована примером анализа двух текстов данных авторов. Полученные результаты позволяют полагать, что сравнительная поэтика Гоголя и Пу Сунлина позволит глубже понять своеобразие как двух этих авторов, так и русской и китайской литературы.

© Сунь Вэньцзюнь, 2022

Ключевые слова: сравнительное литературоведение; типологические связи; историческая поэтика; русская литература; китайская литература; мотив; сюжет; Н. В. Гоголь; Пу Сунлин

Для цитирования: Сунь Вэньцзюнь К проблеме сравнительного изучения ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 73-88. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88>. <https://elibrary.ru/yboyvd>.

Original article

**On the comparative study of N.V. Gogol's early prose
and Pu Songling's short stories**

Sun Wenjun

Post-graduate student at the Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, People's Republic of China, Guangdong province, Shenzhen
sunventszyun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1903-2224>

Abstract. The article provides a theoretical basis for a comparative study of N. V. Gogol's book *Evenings on a Farm near Dikanka* and Pu Songling's collection of short stories *Descriptions of the Miraculous from Liao's Study*, and also gives an example of such an analysis. To address these problems, the author undertakes a historical and theoretical review of the concept “typological connection” in comparative literary studies. There is a review of the main works of Russian and foreign researchers, as well as various theoretical concepts of comparative literary studies, which leads to the conclusion that the analysis of typological relations is not currently limited to the social context and involves a fundamental study of certain authors' poetics.

The article demonstrates that comparing the poetics of N. V. Gogol and Pu Songling allows us to better understand the uniqueness and originality of their work. From this point of view, the typological study of their fantasy prose – Gogol's “*Evenings on a Farm near Dikanka*” and Pu Songling's “*Descriptions of the Miraculous from Liao's Study*” – seems quite relevant. The article concludes that the experience of comparative literary studies in examining genetically unrelated texts shows the possibility of comparing the works of Gogol and Pu Songling in terms of reflecting fantasy and folk demonology in their works. The prospect of studying this problem is illustrated by the analysis of two texts by these authors. The results suggest that the comparative poetics of Gogol and Pu Songling will allow a deeper understanding of both these authors' originality as well as that of Russian and Chinese literature.

Key words: comparative literary studies; typological connections; historical poetics; Russian literature; Chinese literature; motif; plot; N. V. Gogol; Pu Songling

For citation: Sun Wenjun On the comparative study of N.V. Gogol's early prose and Pu Songling's short stories. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):73-88. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88>. <https://elibrary.ru/yboyvd>.

Исследование творчества классиков русской и китайской литературы – Н. В. Гоголя и Пу Сунлина – имеет давнюю историю в соответствующих научных традициях. Произведения Гоголя изучаются с конца XIX века – в пионерских работах В. И. Шенрока и Н. С. Тихонравова; новеллистику Пу Сунлина начинают исследовать в первой половине XX века – в советской науке основание этому положил видный синолог В. М. Алексеев. Творчество русского и китайского писателя отличает интенсивная работа с фольклорным и литературным материалом, интерес к фантастике и народной демонологии, яркость красок в изображении бытовых зарисовок. Эти черты могут послужить начальным импульсом к сравнительному изучению творчества Гоголя и Пу Сунлина. Насколько нам известно, в настоящий момент не существует специальных работ, посвященных компаративному анализу их произведений. Для того чтобы обосновать возможность исследования творчества двух писателей, принадлежащих к различным культурам (имперская Россия у Гоголя и пат-

риархальный Китай эпохи Цин у Пу Сунлина), различным эпохам (первая половина XIX века и рубеж XVII–XVIII века), различным литературным традициям и жанрам (романтическая повесть и стилизации в стиле новелл *сяошо*), необходимо обратиться к теории сравнительного литературоведения.

С появлением в европейском сознании XVIII в. понятия «мировая литература», освященного авторитетом И. В. Гете, и постепенным развитием этнографии международные литературные связи становятся востребованным и широко масштабным явлением. С этого времени интеллектуалов интересует вопрос о сходстве и различиях между непохожими друг на друга культурами и их частными проявлениями. В центре внимания находится французская цивилизация, поэтому именно она становится отправной точкой для сравнительного изучения литератур. От момента появления французской школы компаративистики и до наших дней одной из актуальных задач сравнительного литературоведения является изучение данных связей.

Существенную роль в этом процессе сыграл сравнительно-исторический метод, помогающий глубоко исследовать и дифференцировать сходства и различия явлений, принадлежащих литературам разных народов.

В русском, а затем и советском литературоведении решающую роль сыграли работы А. Н. Веселовского (1838–1906), академика Петербургской академии наук, историка и теоретика литературы. Ему принадлежит создание понятия и целой филологической дисциплины, которую он назвал «историческая поэтика». Веселовский, находясь в рамках позитивистской науки, интерпретирует причины одномерности поэтического выражения у архаических народностей. По мысли ученого, на заре человеческого общества естественные выражения, которые когда-то служили собирательной психике, и соответствующие им бытовые условия, имели большое сходство, поэтому элементы стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм как мотивы и сюжеты также были до некоторой степени схожи [Веселовский, 1940]. *Повторность* и *общность* компонентов структуры литературных явлений, таких как мотивы, сюжеты, типичные внутренние образы и другие, можно объяснить двумя причинами – единством человеческих психологических процессов и историческими влияниями. Исследование литературных жанров, от-

носящихся к ранним этапам развития человечества (миф, эпос, сказка, роман и т. д.), проведенное Веселовским, показывает, что вышеупомянутые сходства и повторы наиболее ярко проявляются через мотивы и сюжеты [Веселовский, 1940]. По Веселовскому, «...мотив представляет собой простейшую повествовательную единицу и формулу» [Веселовский, 1940, с. 500]. С его помощью можно лучше отразить те яркие, типичные и повторяющиеся, впечатления от действительности, которые были у разных народов на ранних стадиях общественного развития и пробуждения человеческого сознания. Например, одни и те же мотивы появляются как в восточных, так и в западных мифах и сказках: похищение солнца (солнечное затмение), явление полумесяца (чудовище, затмевающее луну в китайском фольклоре – лунное затмение) и т. д. Примечательно, что автор указывает, что такие мотивы являются самостоятельным зарождением, а не заимствованием или влиянием, то есть описывает вид литературной связи, который его последователи назовут типологическим. Аналогичным образом проявляют себя сюжеты – «сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности», или «комплексы мотивов» [Веселовский, 1940, с. 495]. Однако следует иметь в виду, что в отличие от мотива, именно

через сюжет можно отразить своеобразие личного творчества. Благодаря этому становятся возможны заимствования и взаимодействия между литературами разных стран, что у Веселовского получает название «миграции сюжетов».

Таким образом, по словам ученика Веселовского В. М. Жирмунского, типологические связи в качестве концепции, объясняющей литературные аналогии, представляют собой «полигенезис» – самостоятельное зарождение сходных художественных явлений (мотивов и сюжетов) на близких исторических этапах разных народов.

А. Н. Веселовский заложил основы дальнейшего развития сравнительного литературоведения. Однако, к сожалению, в классическом сравнительном литературоведении, представленном Веселовским, типология в известной степени ограничивается сближением отдельных компонентов структуры литературных явлений (таких как мотивы и сюжеты). Позднее многие исследователи, такие как В. М. Жирмунский и Н. И. Конрад, обосновали целостность структуры литературных явлений и их историческую обусловленность.

Согласно теории академика В. М. Жирмунского (1891–1971), сравнительно-исторический метод на марксистском этапе его развития не используется для беспринципного фантазированного сопоставления фактов в художественной литературе. Поэтому необходимо учи-

тывать условия изучаемого литературного явления в рамках местного исторического или специального литературного развития, его связи с отражаемой им социальной реальностью, его исторической, национальной и индивидуальной спецификой. «Основной предпосылкой сравнительно-исторического изучения литератур разных народов является идея единства и закономерности общего процесса исторического развития человеческого общества, которая определяет закономерность общего процесса развития литературы как одного из видов идеологической надстройки» [Жирмунский, 1979, с. 66].

Этому выдающемуся исследователю принадлежит понятие «типологические схождения», которое постулирует изучение сходных процессов в разных литературах, возникающих при отсутствии непосредственного взаимодействия и контакта – на сходных ступенях общественного развития или по причине универсальных закономерностей человеческого сознания [Жирмунский, 1979].

Несомненно, сравнительное изучение литературной конвергенции очень важно, поскольку оно позволяет установить общую модель литературного развития в его общественной обусловленности. По мнению Жирмунского, типологические схождения представляют собой один из трех аспектов сравнительно-литературных исследований, к которым также относят гене-

тический подход и контактные типы. Генетический подход устанавливает, что сходство между литературными явлениями зависит от их родства, но различия в их проявлениях могут возникать в разных социальных контекстах (реализм зарождается на почве романтизма). В то же время исследователь подчеркивает, что контактный тип связей является чрезвычайно важным в сравнительных исследованиях, а благодаря сходству исторического и социального развития между народами, «влияния» и «заимствования» между культурами также распространены (Вальтер Скотт – Гоголь; Байрон – Пушкин).

Возвращаясь к исторической типологии, следует сказать, что сходства между литературными явлениями можно обнаружить в их идейно-психологическом содержании, мотивах и сюжетах, поэтических образах и ситуациях, в особенностях жанровой композиции и художественного стиля; в то же время трудно игнорировать и различия, обусловленные расхождениями в социально-историческом развитии. Например, наблюдается схожая структура литературного развития в западной цивилизации: Ренессанс, барокко, классицизм, романтизм, реализм, натурализм, модернизм [Жирмунский, 1979].

Проиллюстрируем мысль ученого примером из истории китайской литературы. Долгое время она сохраняла свой средневековый уникальный характер. Превращенный в

полуколониальное государство, Китай не мог в полной мере воспринять элементы западной культуры, что стало возможным с развитием национальной литературы и привело к скачку в общественном и литературном развитии. Китай успешно использовал опыт европейских литератур, но не повторил весь путь развития европейских литератур, а использовал их лучшие достижения. В литературоведении этому способствовало пристальное изучение классической русской и советской литературы.

Как следует из примера, Жирмунский приходит к выводу, что вопрос историко-типологических аналогий неразрывно связан с международным литературным взаимодействием. Иначе говоря, «...ни одна великая национальная литература не развивалась бы при отсутствии международных литературных взаимодействий» [Жирмунский, 1979, с. 71].

Известный советский востоковед академик Н. И. Конрад (1891–1970) предпринял попытку сравнительного изучения восточной и западной литературы. В своих исследованиях он делает особый акцент на «взаимопроникновении» литературы (то есть на межлитературных связях). Соответственно, перевод в этом процессе является «главным орудием» [Конрад, 1978, с. 29].

Ученым был разработан новый метод, применяемый в сравнительном литературоведении, – анализ межлитературных связей в контек-

сте исторического развития мировой литературы, что, по мысли ученого, не только не уменьшает самостоятельность каждой национальной литературы в отдельности, но, наоборот, делает своеобразие литератур народов Востока и Запада более заметным.

Согласно теории Конрада, под сравнительным литературоведением можно понимать разные вещи. Во-первых, его можно понимать как изучение двух или более отдельных литературных произведений, созданных народами, имеющими общую историю. Во-вторых, в сравнительно-типологическом плане могут изучаться и сходные явления, возникшие в литературах разных народов. В-третьих, под ним также можно воспринимать и такие явления в разных литературных произведениях, в основе которых не лежит историческая общность и которые никак не связаны друг с другом, или даже появились в разные исторические периоды. К тому же сравнительно-типологические исследования также могут быть использованы для обнаружения типологической общности явлений, которые происходят независимо друг от друга. Наконец, «сравнительное литературоведение можно понимать и как изучение связей между литературами разных народов» [Конрад, 1978, с. 32-33].

Посредством сравнительно-типологического исследования современной литературы Конрад пришел к выводу, что «посредник»

играет незаменимую роль. Например, буддистская литература проникла в Китай с помощью «посредников», которыми стали монахи [Конрад, 1978, с. 40-43].

Опираясь на вышесказанное, можно прийти к выводу, что сравнительное изучение национальных литератур Востока и Запада, как в классическом, так и в современном аспектах, в процессе их исторического развития является важнейшей задачей исследователей литературы. Это заставляет обратить особое внимание не только на то, что разделяет и сталкивает, но и на то, что соединяет и усиливает. Это поможет нам четко выявить ряд особенностей конкретных литературных произведений разных народов, своеобразие личного творчества писателей, кроме того, это позволит всесторонне проанализировать особенности литератур разных народов в процессе развития мировой литературы.

По мнению Б. Г. Реизова (1902–1981), трудно дать удовлетворительный ответ на вопросы о том, какими признаками руководствуются и какие методики используют в процессе компаративного изучения литературы. В каждом отдельном случае ситуация изменяется, что в свою очередь позволяет человеку познать тайну творческого процесса и поэтической мудрости писателя. Компаративистские исследования продуктивны, так как проникают в более глубокий слой художественного сознания (системы твор-

чества, ориентации мысли и т. д.) [Реизов, 1986]. Изучение сходств бессмысленно, если оно находится вне рамок строгого научного подхода. При этом сравнение само по себе не является наукой – это всего лишь метод исследования.

Ученый полагает, что единство национальной литературы можно понимать как бесконечную систему, постоянно производящую связи между текстами. Эти связи, с одной стороны, способствуют развитию национальной литературы, усиливая ее уникальность, с другой – ее своеобразие стимулирует интерес к другим литературным произведениям и, наконец, развивает саму систему [Реизов, 1986].

Словацкий компаративист Диониз Дюришин (1929–1997) подробно рассматривает с марксистских позиций важнейшие положения теории сравнительного изучения литературы. Основываясь на трудах А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и других ученых, он дает системную классификацию типологических сходжений, выделяя такие их виды как общественно-типологические, литературно-типологические и психолого-типологические аналогии.

Первые – устанавливают общественную обусловленность литературно-типологических сходжений. «Они существуют не только в общей структуре литературного произведения, но в наиболее концентрированном виде проявляются в

его идейных компонентах» [Дюришин, 1979, с. 178].

Литературно-типологические аналогии представляют собой результат имманентных законов развития художественной литературы, поэтому требуют всестороннего рассмотрения принципов литературного процесса. Для этого необходимо не только восприятие аналогий и отличий в контексте литературных направлений, жанров и жанровых форм, но и рассмотрение различных компонентов художественного произведения, таких как идейно-психологическая направленность, характеристика персонажей, композиция и сюжет, мотивы и др., что становится отправной точкой для комплексного изучения компаративной типологии [Дюришин, 1979].

Психологическо-типологические сходжения связаны с индивидуально-психологической натурой художника. К тому же, при компаративном анализе соотношений контактно-генетических и типологических сходжений Д. Дюришин постулирует их взаимообусловленность и взаимоперекрещивание.

В своей статье «Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика» российский компаративист И. О. Шайтанов дает нам общую картину исторического развития компаративистики в мировом аспекте, останавливаясь на возможностях современной компаративистики с типологической точки зрения. На фоне кризиса компаративи-

стики 1950-х гг. у американских ученых происходит полемика с французскими коллегами об отношении между компаративистикой и поэтикой [Шайтанов, 2009]. Примечательно, что она становится поворотным пунктом в судьбе сравнительного изучения литературы. В рамках спора чешско-американский ученый Рене Уэллек указал на одну из самых ярких особенностей французской школы компаративистики – привязанность к фактам. По мысли компаративиста, акцент лишь на фактах десятилетиями служил неким методологическим оберегом в мировом масштабе и породил нелюбовь к теории сравнительного литературоведения. Ограничение исключительно непосредственным рассмотрением «источников и влияний» препятствует построению внятной типологической модели. Как полагает Уэллек, в современной компаративной типологии невозможно упускать из виду сопоставление на уровне культуры и слепо следовать принципу формального соответствия двух иноязычных литератур.

В статье “The Crisis of Comparative Literature” исследователь утверждает, что затянувшийся кризис сравнительного литературоведения давно характеризуется тремя основными чертами: разграничением предмета и методологии, механистической концепцией источников и влияний, а также мотивацией культурного национализма [Wellek, 1976, с. 290]. Поэтому су-

щественное развитие сравнительного литературоведения во многом зависит от радикальной переориентации этих трех черт. Следует отказаться от искусственного разделения на «сравнительное» и «общее» литературоведение, поскольку крайне несостоятельно и непрактично противопоставлять их двух другу. Сравнительное изучение не является так называемым «пунктом обмена» между двумя литературами: оно не может ограничиваться ориентацией на внешнее, на второсортных писателей, на переводы, и на «посредников». По мнению Уэллека, попытка выделить не только предмет, но и методы сравнительного литературоведения потерпела еще большую неудачу. Сравнительное изучение литературы стало устоявшимся термином для любого исследования литературы, выходящего за рамки одной национальной литературы. Исследователь также подчеркивает необходимость сочетания теоретического, критического и исторического подходов в сравнительном литературоведении для достижения его центральной задачи – описания, интерпретации и оценки произведений искусства или любой группы произведений искусства. Проблема «литературности» как центральный вопрос эстетики становится особенно актуальной в литературоведении, а потому последнее следует отличать от изучения истории идей или религиозных и политических концепций [Wellek, 1976]. С этой точки зрения,

литературное произведение представляет собой центр исследования. Компаративисты «кризисной эпохи» ввели концепцию «онтологического разрыва», существующего между психологией автора и произведением, между обществом и эстетическим объектом, то есть изучение произведения искусства называется «внутренним», а его отношения к психологии автора, к обществу – «внешним» [Wellek, 1976, с. 294].

Один из основателей сравнительного литературоведения Хатчeson Маколей Познетт раскрывает источники сходства между ранними драмами Афин и современной Европы с точки зрения взаимосвязи между определенными формами социальной организации и безличным представлением человеческого характера [Posnett, 1886]. Он утверждает, что одним из ключевых принципов развития человеческой цивилизации и литературы, в частности, является процесс эволюции личного характера от безличного. В процессе перехода от ранних родовых общин к возникновению городов и поселков, мы обнаруживаем в развитии цивилизации личный характер, который все отчетливее выделяется из общей массы. К тому же наивысшая степень эволюции характера происходит там, где каждый отдельный человек в группе обладает ярко выраженной индивидуальностью. Именно этот двуединый процесс мы подразумеваем под «принципом литературного разви-

тия» [Posnett, 1886, с. 72]. Только тогда, когда «...глубина и масштаб индивидуальности развиваются параллельно, мы можем быть уверены в постоянстве такого развития» [Posnett, 1886, с. 72].

Французский компаративист середины XX века Франсуа Жо (Jost) утверждал, что сравнительное литературоведение отличается от изучения «национальной литературы» тем, что оно представляет собой не просто академическую дисциплину, а целостный взгляд на литературный мир, так называемое литературное мировоззрение – обзор мира культуры, который является инклюзивным и всеобъемлющим. Сравнительные исследования можно подразделить на четыре области: влияния и аналогии; движения и направления; жанры и формы; мотивы, темы и сюжеты. Первая из них является центральной, фокусируется на взаимодействии между двумя или более национальными литературами, произведениями или авторами, или на особой функции определенных личностей в распространении различных литературных теорий. Кроме того, под этой областью исследования можно понимать, например, источники (вдохновение или информация, предоставляемая или подпитываемая иностранными авторами или книгами), богатство (отклик, успех или влияние, которого литература одного народа достигает в литературе другого) и образы или миражи (истинное или ложное представление

страны о литературе другой). «Сходство между литературой и другими дисциплинами также относится к этой категории» [François Jost, 1974, с. 33].

Исходя из этого, исследователь открыл множество новых перспектив для развития сравнительного литературоведения. Например, компаративистам важно уделять основное внимание источнику текста, но также следует сосредоточиться на «получателе», поскольку во втором случае нас больше интересует результат или степень усвоения оригинала. Роль посредников в этом процессе нельзя игнорировать, однако нам следует уделять больше внимания передаваемым произведениям и авторам, а не типам посредничества. С его точки зрения, самая серьезная проблема позитивизма, лежащего в основе классических концепций сравнительного литературоведения, в том, что многие компаративисты утверждают, что наличие личных связей между авторами или прямых связей между конкретными литературными явлениями становятся необходимым условием для проведения любого исследования связей. По наблюдениям Жо, в процессе развития сравнительного литературоведения, будь то влияния или аналогии, следует учитывать значение социального климата культурных групп, непосредственного контакта между людьми и произведениями и, наконец, личного творчества писателей, которые придают каждому

произведению свою уникальность и своеобразие [François Jost, 1974].

Современный исследователь Дэвид Феррис в своей статье “Why Compare” отмечает, что сравнение в гуманитарных науках возникает при изучении мира, поскольку стремление к мировой литературе было задачей сравнения с самого начала. Подробные пояснения были представлены ученым с точки зрения учения Аристотеля и Платона соответственно. Аристотель считал, что подражание и сравнение неразрывно связаны, последнее является формой познания, уходящей корнями в сходство. Он ввел два типа сравнения: исторический, закрытый, поскольку ограничен тем, что уже существует; второй остается открытым, так как он опирается на возможность: это то, что могло бы уже существовать [Ferris, 2011]. В мифе «о пещере» Платон представляет концепции «привыкание», «насмешку» и «знание», показывая новый реальный мир в сравнении с нереальным прошлым опытом внутри пещеры. Для достижения точки, которая установит сравнение как знание, требуется время; требуется то, что он называет «привыканием». Мир и сравнение принимают негативную силу насмешки, а также требуют необходимости эффективного отрицания опыта временности для того, чтобы сравнительная задача была установлена. [Ferris, 2011].

Итак, Феррис указывает на необходимость стремления к миро-

вой литературе, так как она отвечает внутренней тенденции методологической практики, которая обосновала значение не только литературоведения, в том числе сравнительного, но и гуманитарных наук. «Естественные науки изучают то, что есть в нашем мире, социальные науки рассматривают существование человека в обществе. Человек всегда задается вопросом «почему» – это и является основанием для сравнения», – пишет ученый [Ferris, 2011, с.43].

Краткий очерк истории проблемы типологических связей, или «схождений» и «совпадений», согласно более ранней терминологии, показывает динамику интерпретации этого понятия в науке. Ранняя и классическая компаративистика, отталкиваясь от учения позитивистов, полагала, что единственной причиной для появления не обусловленных генетических сходств становится тождество или близкое сходство общественных отношений (Познетт, Веселовский и их французские современники). Позднее марксистская философия расширяет диапазон понимания типологии в литературе благодаря представлению о культуре как порождении экономических отношений (об этом классические советские работы Алексева, Жирмунского, Реизова и их единомышленников, например, А. Дима и Д. Дюришина). Компаративистика второй половины XX – начала XXI века утверждает возможность более широкой системы

отношений литературного текста и культуры в целом. Оказываются возможными сравнительные исследования произведений, не имеющих общего социального фона, но обнаруживающих сходство, которое требует логического объяснения. Сам принцип сравнения здесь объясняется исходя из классической греческой мысли, объявляющей сравнение естественной и необходимой чертой человеческого мышления.

Изучение произведений Н. В. Гоголя и Пу Сунлина возможно исключительно в рамках типологического подхода. Хотя классик китайской литературы жил столетием раньше автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», его произведения не были известны в Европе и в России, что объяснялось отсутствием интереса к самобытной китайской литературе со стороны проникнутой классическими, сентименталистскими, а затем и романтическими тенденциями в западной цивилизации. Не было и должного числа переводчиков с китайского языка. Таким образом, какие-либо контакты между творчеством Гоголя и Пу Сунлина следует признать невозможными.

Типологическое изучение литературы на настоящем этапе предполагает изучение внутреннего сходства текстов, а не объяснения аккумуляирования в них общих социальных черт (Жо). Последнее также можно едва представить в случае двух исследуемых авторов.

Пу Сунлин писал в феодальном имперском Китае династии Цин, находясь в рамках жестко стандартизированной чиновничьей системы, которая предполагала рациональное отношение к действительности, на практике смешенное с различными традиционными китайскими верованиями. Социальный контекст Гоголя выглядит иначе: на раннем этапе своего творчества писатель фактически отказывается выражать имперскую идеологию России, которая принадлежит к семье европейских держав и движется от феодализма к империализму. В рамках русского романтизма Гоголь видит себя свободным художником, порывающим общественные связи и служащим идеалу красоты и истины. Тем не менее интерес к романтической прозе порождает у Гоголя увлечение фантастикой и народной демонологией, которыми насыщаются его произведения 1830-х годов. Именно последнее дает основание для сопоставления двух писателей, принадлежащих различным культурам и эпохам.

В «Записках Ляо Чжая» Пу Сунлин работает в жанре *сяошо* – лаконичной новеллы с динамичным фантастическим сюжетом. Писатель находит средства для выражения своих образов внутри традиционного литературного языка *вэньянь*, что заставляет искать своеобразие его стиля не только в выборе речевых средств, но в сплетении тончайшей паутины известных и

полузабытых цитат и аллюзий из текстов классической китайской литературы. В это пространное собрание произведений входят сотни текстов, посвященных отношениям человека и сверхъестественных сил – посланцев неба, демонов, лисиц и т. д. Опираясь на традицию «рассказов и чудесном», восходящих к новеллистике эпохи Тан, Пу Сунлин создает обширную систему связей между миром людей и миром духов, что позволяет говорить о постоянном присутствии сверхъестественного в жизни человека, что неоднократно отмечалось в работах китайских исследователей [朱其铠, 1989, с. 39-40; 范小青, 2004; 陈新星, 2011; 邓小康, 2012, 任访秋, 1981]. Эта особенность позволяет говорить о внешнем сходстве, разумеется, при ярких отличиях, от романтической фантастики Гоголя. В произведениях последнего также обнаруживается соположенность мира людей и мира нечистой силы, как расценивает его писатель-христианин. При всех чертах сходства у Гоголя тем не менее прослеживается романтическая ирония и фантастика гофмановского типа, что невозможно себе представить у Пу Сунлина. Кроме того, Гоголь рано осознает необходимость создать для своей фантастической прозы специфический, черпающий элементы из литератур барокко и романтизма, витиеватый стиль.

Все эти обстоятельства делают возможным сравнительное сопоставление двух авторов с точки зрения их интерпретации фантастических и народно-демонологических мотивов.

Проиллюстрируем все вышесказанное примером из произведений Гоголя и Пу Сунлина. В повести «Заколдованное место» русского писателя и новелле «Лисий сон» персонажи сталкиваются с действием сверхъестественных сил. В первом случае деда, в прошлом выдающегося среди товарищей казака, путает нечистая сила. У Пу Сунлина студент Би И-ань неожиданно сталкивается с лисицей – демоническим существом из китайского фольклора. Как и гоголевский персонаж, студент также выдающийся человек в рамках культуры цинского Китая – он известный ученый, имеющий значительную книжную выучку. Оба персонажа имеют представление о той силе, с которой им приходится столкнуться: дед не понаслышке знает о кознях дьявола, а Би И-ань по своей должности знает о заклинании духов и сам с увлечением изучает жизнь лисиц по фантастической «Повести о Синем Фениксе». В обоих случаях сверхъестественное существо вступает в игру с персонажами: путает деда и буквально играет в шахматы со студентом. Если у Гоголя освобождение от морока происходит благодаря вере деда и его смекалке, то у

Пу Сунлина расставание студента и лисицы передается с оттенком сожаления и вина за это ложится на Би И-аня, который хвастает своим чудесным знакомством перед друзьями. В обоих случаях представлен сказ: рассказчик «Вечеров» дьячок Диканьской церкви Фома Фомич повествует о необычайном происшествии и Ляо Чжай придается воспоминаниям о рассказе студента. При этом установки рассказчиков различны. Первый – предупреждает об опасности, исходящей от нечистой силы, и одновременно веселит забавными злоключениями деда. Второй рассказчик создает более сложную картину отношений человека и демонического существа, поскольку от лисицы, вопреки многим другим историям Ляо Чжая, не исходит никакой опасности, а потому расставание сблизившихся существ выглядит как сюжет о нарушении запрета, который навеки разлучает влюбленных.

Таким образом, двухвековой опыт сравнительного литературоведения в изучении не связанных генетически текстов показывает возможность сопоставления произведений Гоголя и Пу Сунлина в аспекте отражения в их творчестве фантастического и народной демонологии. Перспективность изучения этой проблемы проиллюстрирована примером анализа двух текстов данных авторов. Полученные

результаты позволяют полагать, что сравнительная поэтика Гоголя и Пу Сунлина позволят глубже по- нять своеобразие как двух этих авторов, так и русской, и китайской литературы.

Библиографический список

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. Том. 1. Москва : Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.
2. Пу Сунлин Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
3. Веселовский А. Н. Поэтика сюжета (1897–1906) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Ленинград : Художественная литература, 1940. 649 с.
4. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно–исторического изучения литератур // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. 497 с.
5. Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. Москва : Наука, 1978. 469 с.
6. Реизов Б. Г. Сравнительное изучение литературы // Реизов Б. Г. История и теория литературы. Ленинград : Наука, 1986. 319 с.
7. Диониз Дюришин Типологические схождения // Диониз Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. Москва : Прогресс, 1979. 301 с.
8. Шайтанов И. О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. №1-2. С. 99-108.
9. Wellek R. The Crisis of Comparative Literature // Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven and London: Yale University Press, 1976, 420 p.
10. Posnett H. The Principle of Literary Growth // Posnett H. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, 1886, 472 p.
11. François Jost. Part II. Relations: Analogies and Influences, Prolegomenon A // François Jost. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974, 349 p.
12. 朱其铠. 全本新注聊斋志异 // 蒲松龄. 聊斋志异[G] 北京: 人民文学出版社, 1989: 39-40.
13. 范小青. 真幻之间的定位[D]. 武汉: 武汉大学文学院, 2004: 5.
14. 陈新星. 秀才与大学生的爱情憧憬——蒲松龄与霍夫曼 爱情小说之比较 [D]. 成都: 西南大学文学院, 2011: 20.
15. 邓小康. 探索《聊斋志异》中书生的形象描述[J]. 文学界: 理论版, 2012, 143(5): 67-68.
16. 任访秋. 聊斋志异选讲[M]. 郑州: 河南人民出版社, 1981: 340.

Reference list

1. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 23 tomah. Tom.1 = Complete works and letters in 23 volumes. Vol.1. Moskva : Nauka, IMLI RAN, 2003. 922 s.
2. Pu Sunlin Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Ljao Chzhaj chzhi i) = Strange stories from the Loser's study (Liao Zhai Zhi Yi). Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 784 s.

3. Veselovskij A. N. Pojetika sjuzheta (1897–1906) = Poetics of the plot (1897-1906) // Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1940. 649 s.
4. Zhirmunskij V. M. Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izu-chenija literatur = Problems of comparative and historical literary studies // Zhirmunskij V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Za-pad. Leningrad : Nauka, 1979. 497 s.
5. Konrad N. I. Problemy sovremennogo sravnitel'nogo literatu-rovedenija = Problems of modern comparative literary studies // Konrad N. I. Izbrannye trudy. Literatura i teatr. Moskva : Nauka, 1978. 469 s.
6. Reizov B. G. Sravnitel'noe izuchenie literatury = Comparative literary studies // Reizov B. G. Istorija i teorija literatury. Leningrad : Nauka, 1986. 319 s.
7. Dioniz Djurishin Tipologicheskie shozhdenija = Typological convergences // Dioniz Djurishin. Teorija sravnitel'nogo izuchenija literatury. Moskva : Progress, 1979. 301 s.
8. Shajtanov I. O. Zachem sravnivat'? Komparativistika i / ili po-jetika = Why compare? Comparativism and/or poetics // Filologicheskaja regionalistika. 2009. №1-2. S. 99-108.
9. Wellek R. The Crisis of Comparative Literature // Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven and London: Yale University Press, 1976, 420 p.
10. Posnett H. The Principle of Literary Growth // Posnett H. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, 1886, 472 p.
11. François Jost. Part II. Relations: Analogies and Influences, Prolegomenon A // François Jost. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974, 349 p.
12. 朱其铠. 全本新注聊斋志异 // 蒲松龄. 聊斋志异[G] 北京: 人民文学出版社, 1989: 39-40.
13. 范小青. 真幻之间的定位[D]. 武汉: 武汉大学文学院, 2004: 5.
14. 陈新星. 秀才与大学生的爱情憧憬——蒲松龄与霍夫曼 爱情小说之比较 [D]. 成都: 西南大学文学院, 2011: 20.
15. 邓小康. 探索《聊斋志异》中书生的形象描述[J]. 文学界: 理论版, 2012, 143(5): 67-68.
16. 任访秋. 聊斋志异选讲[M]. 郑州: 河南人民出版社, 1981: 340.

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.
The article was submitted on 08.03.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022